

... И только душ легчайший слух

Б. Голощапов. «Монголия»

В зале Международной федерации художников на Гоголевском бульваре, на выставке молодого живописца Бориса Голощапова, среди ярких образных и романтических картин был скромный, но удивительный коллаж. На черном фоне желтел ветхий листок из старого букваря — букваря моего детства. Я взгляделся в него и прочел: «У Вари был чиж. Чиж жил в клетке и не пел. — Пора тебе, Чиж, петь, — сказала Варя. — Выпусти меня из клетки, буду петь...» То был коллаж художника о самом себе. «Клетку открыли, — объяснил мне Голощапов, — и я прилетел из своего Ельца в Москву, чтобы наконец заговорить.» Он привез с собой выставку из 140 работ, которая так и называется «Я говорю».

НОВОЕ ИМЯ

Леонид ЛЕРНЕР

Культура. — 1997. — 18 сент. — с. 10

Я знал Бориса еще в то время, когда он учился в Московском институте культуры на кинофоторежиссера; с той поры, когда он летал со своей камерой в убитый землетрясением Спитак; в те дни, когда, увлеченный театром, пришел в ГИТИС на режиссерский к Петру Фоменко. И мне казалось, что он всегда что-то говорил — внятно и страстно. Впрочем, потом он уехал в родной Елец, на несколько лет затих и вот — вновь приехал в Москву, на этот раз интересным художником.

Многие картины Голощапова странны и фантастичны и напоминают цветные сны. Ведь только во сне можно увидеть Гималаи, на которых никогда не бывал, да еще так, что знаменитый альпинист Николай Аширов, исходивший почти все Гималайские хребты и вершины, был поражен их сходством с теми, что на картинах художника. «Никакого подражания Рериху, — заметил он. —

«Гималаи» Бориса бушуют таинственным солнечным огнем — тем самым, который поражает всех, кто там побывал.»

А рядом живет на картине «Письмо». И я невольно даю ему свое название — «Письмо-Человек», ибо оно рождается на наших глазах, причем не только в буквах, но приобретает лицо — глаза, нос, рот, уши... Спрашиваю художника: к кому это «Письмо»? И Голощапов ведет меня к картине «Оттепель», с которой смотрит девушка в чудной шляпке, а за ней и вокруг нее разливается влажной оттепелью воздух, земля, деревья...

— Кто она?

— Быть может, сестра. А может, любимая, — тихо говорит Борис. И я вспоминаю, что он ведь еще не женат. — Та, что уже вышла ко мне, и скоро придет.

Борис Голощапов выбрал для своей первой персональной выставки замечательный эпиграф — строку поэта Серебряного века из легендарной Башни — Вячеслава Иванова: «... И только душ легчайший слух.»

— Мне кажется, что это про людей, которые нас любили и любят. Это они обладают «легчайшим слухом» и, где бы мы ни были, слышат даже то, как бьется наше сердце